

О ЛИТЕРАТУРЕ И ЛЮБВИ (Л. ЦЫПКИН. *ЛЕТО В БАДЕНЕ*)

Дагне Бержайте

Вильнюсский университет
Кафедра славистики

О романе Леонида Цыпкина *Лето в Бадене*, основанном на реальных фактах из жизни и творчества Ф. М. Достоевского, конкретно, на *Дневнике* и *Воспоминаниях* его жены Анны Григорьевны Достоевской, как может показаться на первый взгляд, написано не так много. Причиной этому, видимо, является необычная история создания и публикации романа: его автор, врач по профессии, патологоанатом, доктор наук, при жизни никому не был известен как писатель. Он так никогда и не увидел свой многолетний труд, чем и является данный роман, изданным. Цыпкин скончался в 1982 г. в Москве буквально через неделю после того, как некоторые части его *Лета в Бадене* с фотографиями, сделанными автором, были опубликованы в одном из нью-йоркских еженедельников. Через год роман вышел полностью в немецком переводе в Германии, еще через четыре – был издан на английском языке, потом был напечатан в Израиле. И только после случайного его обнаружения американской писательницей, философом и эссеисткой Сюзан Зонтаг в Лондоне в 2001 году и после публикации ее знаменитой статьи

«Любить Достоевского» творчество до тех пор никому неизвестного писателя получило внимание и на его родине, и в 2003 году роман Цыпкина был опубликован в России.

Подобного рода информацией начинается почти любая из имеющихся на сегодняшний день статей или сообщений об этом романе: К. Степаняна¹, С. Гедройца², Л. Соболева³ или О. Ревзиной⁴. Все они не обходятся без упоминания подробного выступления Зонтаг, позиция которой по отношению к роману Цыпкина является своеобразной точкой отсчета при разговоре о *Лете в Бадене*.

Зонтаг, конечно, наметила основные пути восприятия этого романа. Но, главное, предложила читателям исчерпыва-

¹ К. Степанян, «Вскрик обиды и боли», <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/6/step21> (2008-04-21).

² С. Гедройц, «Николай Клоев. *Словесное древо*. Проза. Артуро Перес-Реверте. *Тайный меридиан*. Роман. Леонид Цыпкин. *Лето в Бадене*. Роман», <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/10/gedr.htm> (2008-07-15).

³ Л. Соболев, «Леонид Борисович Цыпкин (1926–1982)», www.beloblibrary.imwerden.de/wr_Tsyppkin.htm (2008-07-4).

⁴ О. Ревзина, «Хронотоп в современном романе», www.ruthenia.ru/fest/pprs/grigoryev/revz.htm (2008-07-24).

ющую биографию автора *Лета в Бадене*, впервые в подробностях поведала о трагической истории тихой, на первый взгляд, незаметной интеллигентской еврейской семьи, которую постигли все, увы, классические несчастья, которые только и могли случиться в Советской России XX века: репрессии, ссылки, холокост, несправедливость властей при полной самоотдаче делу, которому в семье Цыпкиных честно служили. Биография писателя в изложении Зонтаг может быть прочитана как не менее интересная, чем биография основного героя его романа – Достоевского, жизнь которого многими давно уже воспринимается как отдельный текст. *Лето в Бадене* было написано в самих неблагоприятных условиях при полном понимании автора книги того, что на родине при тогдашних обстоятельствах роман никогда не сможет быть издан; книга создавалась, в прямом смысле, для ящика письменного стола.

Увлеченный рассказ Зонтаг о самом писателе, так же как и, на первый взгляд, незаметные, ею найденные переключки между творческими контекстами, в которых творили Достоевский и Цыпкин, позволили исследовательнице сделать свой известный вывод: «Этот роман я, ничуть не усомнившись, включила в число самых возвышенных и оригинальных достижений века, полного литературы и литературности в самом широком смысле этого определения»⁵.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что книга о Достоевском, на-

писанная своеобразным советским мучеником Леонидом Цыпкиным (да и в звучании самой фамилии есть что-то мышкинское), чисто по-человечески, особенно на Западе, да еще и Зонтаг, интеллектуалкой, которая, кажется, сама ничего не боялась и не могла принять трусости в других⁶, не могла быть оценена иначе, чем то, что заслуживает исключительного внимания, ибо в ней заключено большее, чем в обыкновенной книге – в ней некий творческий подвиг, и ее автор должен быть вознагражден заслуженной славой хотя бы посмертно. Должна ведь когда-нибудь наступить и справедливость. Не в этом ли пафос творчества Достоевского? А как без него читать Цыпкина?

Но Гедройц по поводу отзыва Зонтаг пишет: «... так говорит о романе Зонтаг: с благодарным увлечением первооткрывателя; с тем великодушным восторгом, на который жарко и тщетно надеются дебютанты; таков уж неизменный закон судеб, – обычно одаряют им – и то изредка – лишь покойных, при жизни безвестных, предпочтительно зарубежных»⁷.

Как и следовало ожидать, другие, в отличие от Зонтаг, относятся к *Лету в Бадене* более сдержанно. Особенно это заметно по выступлению, например, того же Гедройца, который, не опровергая явных достоинств смелого, по его мнению, романа, считает, что для рус-

⁶ Подробнее о личности Сюзан Зонтаг (Зонтаг) можно прочитать в статье Льва Лосева «Памяти Сюзан Зонтаг», <http://www.coastmagazine.org/coast/16/texts/critique/Losev.htm> (2008-08-18).

⁷ С. Гедройц, «Николай Клюев. *Словесное дерево*. Проза. Артуро Перес-Реверте. *Тайный меридиан*. Роман. Леонид Цыпкин. *Лето в Бадене*. Роман».

⁵ С. Зонтаг, «Любить Достоевского», www.vladvorobev.blog.ru/6828515.htm (2008-07-22).

ского читателя это произведение – все же ближе к повести (а русский читатель привык молиться, прежде всего, на роман). Критик видит в романе Цыпкина некоторые изъяны: чрезмерно правильную, грамматизированную речь, а также отсутствие интонаций и подвижности в голосе, что, возможно, не так заметно при переводе⁸.

По Гедройцу, ощущение механистичности возникает из-за длины фразы цыпкинского текста. Действительно, первая точка в романе появляется только на странице 44 (!)⁹, а всего в романе 7–8 фраз, заканчивающихся точкой. Кстати, для Зонтаг, например, эта особенность романа является явным знаком его новаторства (по ее определению, это и есть «проза экстаза»). К. Степанян же эти «виртуозно выстроенные, стремительно, задышающиеся, напряженно-вибрирующие фразы–периоды»¹⁰ Цыпкина связывает с эмоциональным пафосом романа: бесконечно длящиеся фразы видятся ему «стенограммой одинокой надламывающейся души»¹¹. О. Ревзина в этом «сплошном тексте, практически без абзацев, в котором самым редким знаком препинания является точка» (...) находит «буквализацию (овеществление) бахтинского утверждения о равенстве текста и высказывания: текст действительно приближается к тому, чтобы стать одним цельным предложением – высказыванием, иконичес-

кий представляющим хронотопическое единство»¹².

Но никто из писавших об этом романе не попытался связать эту, избранную Цыпкиным, модель повествования с тем, что стало своеобразным текстом-донором и легло в основу *Лета в Бадене*, т. е., с *Дневником* Анны Григорьевны Достоевской, который она стала вести сразу после замужества в 1867 году. А ведь роман Цыпкина – это текст, в первую очередь, побуждающий читать источники. В этом его особая ценность. Трудно представить, как бы он воспринимался «свежим» читателем, т. е., не знающим контекста Достоевского. Возвращаясь к главному «источнику» романа, автором которого в то время была совсем молодая девушка, хорошо владевшая стенографией, нужно отметить, что в нем точки вовсе не игнорируются. Наоборот, некоторые фразы в ее записях (возможно, те, которые не подверглись ее собственной правке или не были дописаны ею 30 лет спустя) словно вычеканены из металла, грамматически и синтаксически так точны и строги, что даже вызывают ощущение чего-то искусственного. Правда, сегодня уже трудно судить, нет ли в этом «вины» ее последующих редакторов и издателей (Н. Ф. Бельчикова или Л. П. Гроссмана)... Но дело не в наличии самих пунктуационных знаков, а в том, какое значение они приобретают в конкретном тексте.

В контексте прочтения романа *Лета в Бадене* важно то, что страницы *Дневника* Достоевской тоже иногда восприни-

⁸ Там же.

⁹ В этой статье роман Цыпкина цитируется по интернетному изданию: http://fantasi.ru/read20149_84.html (2008-08-24).

¹⁰ К. Степанян, «Вскрик обиды и боли».

¹¹ Там же.

¹² О. Ревзина, «Хронотоп в современном романе».

маются как неживые (вспомним, какие изъяны цыпкинского текста видел Гедройц), словно в них нет никаких привычных логических пауз: одна мысль гонит другую, без всякой передышки сменяется совершенно новой, читателю негде «остановиться». В *Дневнике Достоевской*, кажется, отсутствует всякая система, вместо нее – беспорядочное многообразие тем: рассказ о скудных покупках чередуется с констатацией факта очередной ссоры с мужем или очередном его припадке; переживания о губительной его страсти к рулетке и тоска по матери сопровождаются или описанием немецкой еды и обслуживания в ресторанах, или изображением неприятных немцев, на каждом шагу стремящихся обмануть супружескую пару и почему-то никогда не понимающих Достоевских, когда супруги обращаются к ним на их родном языке; чуть ли не преобладающие в ее тексте разговоры о деньгах – франках, грошах или талерах – закачиваются беглым упоминанием о ночных примирениях и прощениях с мужем. И так из страницы в страницу, изо дня в день точных дневниковых записей... Этот поток льется, словно у его автора, Анны Григорьевны, нет особых, разных по каждому поводу эмоций, и поэтому все это – без пауз, без точек...

Но ведь это и есть самый настоящий дневник, и не важно, для кого вела его Анна Григорьевна тогда, в 1867 году, – исключительно для себя или для других¹³. По своему, Цыпкин тоже пишет

¹³ В *Дневнике А. Г. Достоевской* есть места, позволяющие думать, что с самого начала она могла вести

роман-дневник (хотя бы потому, что не уверен, прочтет ли его еще кто-нибудь). В этом тексте, возможно, он только для себя фиксирует те мысли, которые посетили его по дороге из Москвы в Петербург (вечное русское путешествие за истиной из настоящей столицы в столицу бывшую!), те ассоциации, которые были вызваны как прочтением книги о Достоевском, так и собственным пребыванием, например, в гостях у маминой подруги Гили или в музее Достоевского – т.е., он записывает все и, кажется, без всякого порядка, одна тема растворяется в другой.

Но в итоге выясняется, что роман Цыпкина – это личное и, вместе с тем, эпохальное «свидетельство», в котором частные воспоминания и рецензии событий, личностей, рядовых или значимых для унылой советской действительности, сопоставляются, соизмеряются с авторской интерпретацией фактов из жизни Достоевского и человечества вообще. Дневники «высокой пробы», которые переходят жанровые границы, – это, как считает К. Кобрин,

записи, рассчитывая на чужое восприятие («Купили по дороге мыла, за 6 Silb, очень дурного, и, как *видите* (Курсив мой. – Д.Б.), дорогого» (А. Г. Достоевская, «Дневник 1867 года», *Последняя любовь Ф. М. Достоевского*, С.-Петербург: Андреев и сыновья, 1993, 113). Подтверждается это и фактом, известным по черновым наброскам к ее *Воспоминаниям*: Анна Григорьевна, уезжая, как она думала, за границу на три месяца, приобрела записную книжку, чтобы фиксировать все свои впечатления для матери. Некоторые исследователи, однако, вообще склонны считать, что любой человек, пишущий дневник, рассчитывает (сознательно или нет), что раньше или позже его все равно прочтут другие. Отсюда эта преобладающая дневниковая тенденция самооправдания, в отличие от самоосуждения, которое в русской литературе свойственно, пожалуй, лишь Л. Н. Толстому.

записи, всегда идущие «...от “фиксации” к “свидетельству”, от “свидетельства” к “созданию мира”»¹⁴.

Зонтаг, обнаружившая, помимо прочего, многочисленные параллели произведения Цыпкина с выдающимися образцами мировой прозы, усмотрела в этой связи аналогию с японской литературой, в котором «роман от первого лица с выдуманскими эпизодами – доминирующая жанровая форма»¹⁵. Деталь в начале цыпкинского романа словно подтверждает утверждение Зонтаг о присутствии восточного элемента – это старая восточная открытка с изящным рисунком, найденная рассказчиком в *Дневнике Достоевской*. Возможно, это просто совпадение. Но в данном случае важно то, что и для жанра дневника характерно наличие многочисленных случайных, внешне не связанных между собой деталей, которыми изобилует, например, и текст Достоевской. И эти детали только с расстояния складываются в большую значимую картину.

При чтении романа Цыпкина также создается впечатление, что местами его автор этими «случайностями», отдаленными во времени и в пространстве эпизодами как из собственной судьбы, так и из жизни Достоевского, еще и эмоционально «озвучивает», «окрашивает»... однообразный, бесцветный текст дневника жены писателя, в котором случайности не поднимаются до метафорических обобщений (или таким ее *Дневник* стал восприниматься после Цыпкина?).

Конечно, Анна Григорьевна – не художник, и нельзя от нее требовать большего. Но Цыпкин словно «помогает» ей – высказывает вместо нее то, что она, по юношеской наивности или, скорее, по супружеской преданности (за что ее так ценил Лев Толстой) не смогла передать. Например, Достоевская только фиксирует поведение мужа во время начала их совместной жизни, почти не оценивая его с нравственной точки зрения, и этим, возможно, возмущает не одного читателя¹⁶. А ведь описанные ею ситуации из собственной жизни иногда больше напоминают пытку, психологическое насилие над молодой женщиной, чем любовь «молодого» супруга. В цыпкинском же «пересказе» этой баденской истории любви все словно встает на свои места. Итак, следование некоторым принципам жанра дневника помогает создать, кроме всего прочего, еще и впечатление пародирования как самой личности Достоевского, так и его восприятия в записях его жены. Герой в романе Цыпкина, в отличие от дневника Достоевской, явно разоблачается.

Восточная тема в *Лете в Бадене* присутствует и в другом аспекте (вспомним «Восточные мелодии» Пушкина!). Она служит еще одним способом разоблачения героя не только в плане бытовом, когда уже не важны мелочи, такие, например, как то, что Достоевский, когда у него были деньги, любил в магазинах делать покупки больше для себя,

¹⁴ К. Кобрин, «Похвала дневнику», <http://es-dejavu.ru/d/Diary.html> (2008-07-31).

¹⁵ С. Зонтаг, «Любить Достоевского».

¹⁶ Правда, в одном месте *Дневника* у Анны Григорьевны «прорывается» возмущение по поводу недостойного поведения супруга по отношению к ней. См.: А. Г. Достоевская, «Дневник 1867 года», 221.

чем для молодой жены (об этом Анна Григорьевна упоминает вскользь, но у Цыпкина эта деталь служит ярким способом характеристики героя). Отнюдь не житейское разоблачение героя связано с очень важным лично для Цыпкина еврейским вопросом, с проблемой антисемитизма, вызванной как объективными обстоятельствами жизни в Советском Союзе, так и всем известной неоднозначной позицией Достоевского по еврейскому вопросу. Именно эта тема и находится в центре внимания вышеупомянутой статьи К. Степаняна, да и все остальные критики больше всего уделяют ей внимание.

Действительно, роман Цыпкина можно прочесть как попытку ответить на его же вопрос: «Почему меня так странно привлекала и манила жизнь этого человека, презиравшего меня?»¹⁷. И из-за невозможности найти на него ответ К. Степанян определяет *Лето в Бадене* как «долгий постепенно задышающий в ночи вскрик обиды и боли».

Пресловутый антисемитизм Достоевского сделал героя цыпкинского романа персонажем еще более нелицеприятным¹⁸, напоминающим не только всех им же упомянутых вечно унижающихся, «просящих, бегающих жидков»¹⁹, но и амбициозных, мелочных, заком-

плексованных героев его же собственного творчества и, прежде всего, подпольного парадоксалиста. Чего стоит в *Лете в Бадене* одна история со стулом в музее, на которую этот странный герой цыпкинского романа так хотел встать, чтобы лучше разглядеть картину²⁰! По силе воздействия эта сцена не уступает эпизоду с офицером из *Записок из подполья*. Не случайно роман *Лето в Бадене* начинается двумя эпитафиями именно из этого произведения. Дерзость и страх, по Цыпкину, – вот главные свойства его героя, человека, оставившего после себя гениальные произведения и, одновременно, ничем необъяснимые вопросы, в частности, о его отношении к евреям. Весь пафос отношения Цыпкина к Достоевскому сосредоточен в следующем очень личном для его автора фрагменте: «... и мне казалось до неправдоподобия странным, что человек, столь чувствительный в своих романах к страданиям людей, этот ревностный защитник униженных и оскорбленных, горячо и даже иступлено проповедующий право на существование каждой земной твари и поющий восторженный гимн каждому листочку и каждой травинке, – что человек этот не нашел ни одного слова в защиту или оправдание людей, гонимых в течение нескольких тысяч лет, – неужели он был столь слеп? или, может быть, ослеплен ненавистью?»²¹

Достоевский, как он представлен в романе Цыпкина, – вовсе не сострадалец, а типичный антисемит, который «так щедро жидочками пересыпал стра-

¹⁷ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, 112.

¹⁸ С. Гедройц по этому поводу пишет: «Если читать *Лето в Бадене* как портрет Достоевского, – ничего лучшего в литературе нет. Персонаж убедительный, пронзительно неприятный, с необычайным, но интенсивным, катастрофическим сознанием» (С. Гедройц, «Николай Клюев. *Словесное дерево*. Проза. Артуро Перес-Реверте. *Тайный меридиан*. Роман. Леонид Цыпкин. *Лето в Бадене*. Роман»).

¹⁹ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, 24.

²⁰ Там же, 17.

²¹ Там же, 90.

ницы своих романов»²². Ни коим образом не отрицая наличия в творческом наследии Достоевского антисемитской проблемы, ставящей в тупик не только одного Цыпкина, и, вместе с тем, не считая нужным еще раз «защитить» Достоевского, как это продолжают делать многие исследователи его творчества²³, позволим себе не согласиться с подобным утверждением писателя Цыпкина: в прозе Достоевского «жидочков» вовсе не так много, особенно, если учитывать характерную для него склонность «повторяться», переносить из произведения в произведение созданные однажды идеи и образы. Героев-евреев Достоевского можно сосчитать на пальцах одной руки: это Исай Фомич из *Записок из мертвого дома*, Лямшин из *Бесов*, безымянный солдат из эпизода самоубийства Свидригайлова и еще одно – два упоминания в других художественных текстах. «Славу» антисемита Достоевский, как всем известно, заслужил по

²² Там же.

²³ Вообще, в достоевковедении в интерпретации «еврейского вопроса» у Достоевского преобладает явная тенденция своеобразной защиты писателя. Таковы хрестоматийные статьи А. Штейнберга «Достоевский и еврейство» (*Русские эмигранты о Достоевском*, С.-Петербург: Андреев и сыновья, 1994) и Л. Гроссмана «Достоевский и иудаизм» (*Исповедь одного еврея*, Москва: Деконт; Подкова, 2000) или сравнительно недавнее выступление С. Белова «Достоевский и евреи» (*Достоевский и современность. Материалы XVI Международных Старорусских чтений 2001 года*, Старая Русса, 2001). Некая оправдательная тенденция ощутима даже в, на первый взгляд, объективных научных исследованиях: например, в статье, П. Торопа «Достоевский: логика еврейского вопроса» (*Достоевский: история и идеология*, Tartu: University Press, 1997). Исключением в этой оправдательном контексте является, видимо, лишь книга Д. Гольдштейна *Достоевский и евреи* (D. Goldstein, *Dostoyevsky and the Jews*, University of Texas Press, 1981).

другим источникам, прежде всего, по статье о еврейском вопросе в *Дневнике писателя* за 1877 г. и по письмам к некоторым корреспондентам, главным образом собственной жене, Анне Григорьевне.

При всей изученности данной темы (не смягчившей, однако, как кажется, многочисленными объяснениями остроты проблемы, прежде всего, для тех, кто никогда не закрывал на нее глаза) последний факт, а именно усилившееся негативное отношение Достоевского к евреям после женитьбы на Анне Григорьевне, еще нуждается во внимании специалистов по этому вопросу. Отметим лишь, что, видимо, Цыпкин, который не мог знать выступлений Гольдштейна, Гроссмана, Штейнберга или Торопа, это чувствовал и поэтому связал свои собственные ощущения и обиды именно с рассказом о начале нового, семейного этапа в жизни Достоевского.

При чтении романа может создаться впечатление, что Цыпкин «перепутал» тексты Достоевского с записями его жены²⁴ – это у нее в *Дневнике* постоянно мелькают упоминания о встречен-

²⁴ Здесь, к слову, можно было бы вспомнить мнение Зонтаг о том, что «... фактическая точность времени и биографических обстоятельств была для Цыпкина делом профессиональной честности». Это так, но исключения, как известно, только подтверждают правила. Есть в романе Цыпкина один эпизод, который не соответствует описанному в *Дневнике* Анны Григорьевны: Достоевский не мог бежать по «заснеженной платформе» между Баденом и Базелем с бутербродами в оттопыренных карманах, крича что-то о недоданном франке, как пишет Цыпкин на стр. 9. Согласно А. Г. Достоевской, этот эпизод случился летом, 23 августа (А. Г. Достоевская, «Дневник 1867 года», 285). У Цыпкина же – это впечатления рассказчика, навеянные зимней петербургской ночью.

ных по дороге, начиная с Вильнюса, жидах. Правда, у Анны Григорьевны нет той подчеркнутой злости, того презрения и ненависти, на которых настаивает Цыпкин. Ее наблюдения по этому поводу (например, «особо много попадает жидов со своими жидовками» или «когда мы уже собрались уезжать, вошел какой-то жидок с предложением что-нибудь у него купить»²⁵) являются, скорее, свидетельствами бытового, «банального антисемитизма»²⁶ или, проще, доказательством элементарной невежественности, необразованности, неинтеллигентности (и в этом жену писателя, в отличие от него самого, так легко упрекнуть).

Правда, еврейская тема в *Лете Бадене*, особенно к концу романа, когда перечисляются фамилии достоевсковедов-евреев, предлагает саркастический

²⁵ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, 29, 30.

²⁶ Д. Гольдштейн в выше указанной книге о Достоевском и евреях выделяет три типа антисемитизма писателя: банальный, экономический и религиозный. Интересно, что Ж. Франк, автор не одного серьезного сочинения о жизни и творчестве русского писателя, в предисловии к книге Гольдштейна предлагает еще один вариант: он называет Достоевского «виноватым антисемитом» – “guilty anti-Semite” (J. Frank, “Foreword”, *D. Goldstein, Dostoyevsky and the Jews*, XV). В любом случае, сложность, неоднозначность понимания еврейского вопроса, отмечаемого всеми исследователями, свойственно, явно, только писателю, а не его жене. Не исключено (как хотелось бы в это верить!), что часто мелькающие фразы в его более поздних письмах к ней, вроде «Один, ни лица знакомого, напротив, все такие гадкие жидовские рожи» или «Ах, эти проклятые жида, когда же дадут спать!» (Ф. М. Достоевский, *Полн. собр. соч. в 30-ти т.*, 30 (1), Ленинград: Наука, 1988, 97, 93) и др., являются своеобразным свидетельством желания писателя «угодить» жене (подобные письма написаны им по дороге в Эмс или уже из Эмса, куда писатель ездил лечиться в 1879 г., покинув дома жену с детьми), «опуститься» до ее уровня.

ответ на собственный вопрос – почему именно евреи так любят русскую культуру: «... в этом особом тяготении евреев к Достоевскому можно усмотреть и нечто другое: желание спрятаться за его спиной, как за охранной грамотой, нечто вроде принятия христианства или намалевание креста на двери еврейской квартиры во время погрома»²⁷. К этому ряду относятся и замечания, подобные тому, которое находим в сцене в музее Достоевского, где говорится о «молодых людях и женщинах с интеллигентными лицами, невольно внушающими мысль об их еврейском происхождении»²⁸. Все это, несмотря на то, что Цыпкин все же нашел новый способ разговора о проблеме «Достоевский и евреи», вносит в роман публицистический элемент, ослабляя этим его художественную струю.

Цыпкин, видимо, прекрасно это осознает, и отсюда его ирония по отношению ко всему, даже – к собственной боли. Вообще, ирония – неотъемлемая черта романа, и ее острота особенно ощутима в связи с темой современности и тех, кто, так или иначе, подхватил «меч из рук Достоевского»²⁹. В романе «досталось» не только главному герою, но и многим эпизодическим «персонажам»: И. Глазунову, А. Солженицыну, А. Сахарову, «у которого жена носила нерусскую фамилию»³⁰. Все они, прямо не названные, появляются в контексте разговора о Западе, не понимающем «Россию и путей ее дальнейшего

²⁷ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, 91.

²⁸ Там же, 99.

²⁹ Там же, 50.

³⁰ Там же, 51.

развития»³¹. Та Россия, которой гордился Достоевский, противопоставляя ей всех других, в самом конце романа *Лето в Бадене* словно воплотилась в образе пьяных прохожих, мужчины и женщины, и идущей впереди них... девочки лет шести-семи, вечной девочки Достоевского, стыдящейся своих валяющихся в сугробе родителей и своим детским горем измеряющей, увы, такую далекую от совершенства русскую действительность...

В связи с проблемой противопоставления «Россия – Запад» в роман Цыпкина вводится и тема И. С. Тургенева. Конфликт между ним и Достоевским, известный всем как чуть ли не главный литературно-идеологический спор писателей XIX века, представлен в романе во всех подробностях, и фигура автора *Дыма* обрисована не менее красочно, чем и остальные персоны *Лета в Бадене*. Явно, что Цыпкину, создавшему сочный портрет элегантного баденского барина, не лишнего только ему свойственной иронии, перемешанной с восхищением и горькой любовью, записи Анны Григорьевны здесь не особо помогли. О факте столкновения Достоевского с Тургеневым в *Дневнике* только упоминается, да и вообще, как отмечается некоторыми исследователями, «Дневник Анны Григорьевны Достоевской небрежен, не всегда точен»³². Но возможно также, что Достоевский и не особенно старался посвящать жену во все свои проблемы. А Цыпкин, в свою

очередь, прекрасно разбирался в вопросах, связанных не только с личностью и творчеством Достоевского, но и всех других деятелей русской литературы, о чем свидетельствует, к примеру, великолепный пассаж о Пушкине.

Но значение воссозданной Цыпкиным фигуры Тургенева, думаю, особо важно не только в плане конфликта «Россия и другие», «Россия и Запад», где Тургенев предстает главным защитником западных ценностей, а Достоевский – тех, которые в дальнейшем, как видно из романа, никак себя не оправдали, и девочка как страдала, так и будет страдать... Не нужно забывать, что «ключом для читателя, – как отмечает в своей статье, ссылаясь на Ю. М. Лотмана, О. Ревзина, – является художественная структура произведения, вне которой (...) художественная идея немислима»³³. Роман Цыпкина с обозначением хронотопа в названии получил некое тургеневское определение, словно по аналогии с *Месяцем в деревне*... Все знают, что в русской классической литературе точное указание на место и время действия – особый тургеневский знак. В пользу неслучайности тургеневских мотивов может говорить и то, что многие факты, о которых упоминается в *Лете в Бадене*, происходили с Достоевскими еще в Дрездене (например, ситуация вокруг «Сикстинской Мадонны» Рафаэля). А топоним Бадена для многих ассоциируется с именем Тургенева, столь долго жившего вдали от российских проблем, но так хорошо знавшего свою первую родину (второй

³¹ Там же, 50.

³² С. Ананьева, «Достоевский в Сибири (по страницам *Голосов Сибири*)», <http://litmuseum.ru/ananieva.htm> (2008-07-25).

³³ О. Ревзина, «Хронотоп в современном романе».

он всегда считал Германию) и раскрывшего суть чуть ли не главного русского конфликта, всегда заключавшегося между личным счастьем и долгом.

В данном контексте особенно важно то, что в центре этого неразрешимого тургеневского конфликта почему-то оказывается девушка, женщина. Эта тургеневская героиня, как всем известно, изображается в поисках духовного авторитета, руководителя, который, увы, не всегда ее достоин. Русская литература в лице Тургенева ценой «принижения» героя-мужчины завершила возведение памятника своим героиням, вершина которого, как сказал бы главный цыпкинский персонаж, «... всегда казалась ему недоступной, словно вершина высочайшей горы, тонувшей где-то в облаках...»³⁴.

Итак, эти последние слова – фрагмент знаменитой эротической цитаты Цыпкина «о темном треугольнике, вершиной обращенном вниз», которую Зонтаг определила как «уникальную метафору акта любви»³⁵, а Гедройц – как безвкусицу³⁶, – можно еще интерпретировать и в тургеневском духе. И если следовать мнению Ревзиной о том, что «читателю предстоит найти собственный ответ»³⁷, то в данном случае ответ видится в следующем: в центре этой книги – обобщенная история простых женщин, русских и не только, ставших по-тургеневски особенными в силу сде-

ланного ими нравственного выбора, в силу самоотверженного служения делу своих мужей, которые, увы, перефразируя слова одной из статей о Достоевском, не всегда бывали великими³⁸. Иначе, зачем тогда надо было вводить в роман историю Гили и ее неверного мужа, зачем упоминать спутниц Солженицына или Сахарова, которому жена «подавала меч»³⁹, зачем рассказывать о сложных семейных делах совершенно незначимых эпизодических персонажей, таких, как, например, безымянный племянник той же Гили, не говоря уже об унижениях и обидах Анны Григорьевны, о которых она сама предпочитала не говорить?

В *Лете в Бадене* величие и, вместе с тем, человечность женского подвига с особой силой раскрывается в сценах прощания Анны Григорьевны с умирающим мужем. На этих по-настоящему волнующих, достойных мастеров высочайшего класса страницах, где совершенно по-новому, хотя и обосновано *Воспоминаниями* Достоевской, повествуется о последних часах в жизни писателя, конечно, все внимание сосредоточено на Анне Григорьевне, а не на нем, великом художнике, но... странном человеке – Достоевском. Переживания этой женщины, кажется, искупают вину ее мужа и ее собственные ошибки; все неприятное, сказанное о них, постепенно сглаживается, отдаляется, оставляя все больше и больше пространства для простого человеческого сострадания.

³⁴ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, 18.

³⁵ С. Зонтаг, «Любить Достоевского».

³⁶ С. Гедройц, «Николай Клюев. *Словесное дерево*. Проза. Артуро Перес-Реверте. *Тайный меридиан*. Роман. Леонид Цыпкин. *Лето в Бадене*. Роман».

³⁷ О. Ревзина, «Хронотоп в современном романе».

³⁸ С. Белов, «Последняя любовь Достоевского», *Последняя любовь Достоевского*, 24.

³⁹ Л. Цыпкин, *Лето в Бадене*, 50.

Да и как может быть иначе, если портрет умирающего Достоевского напоминает рассказчику одного старика, входившего каждое утро в троллейбус у здания с надписью «Совет по делам религии при Совете Министров СССР», а потом покидающего его и направляющегося «... к церкви, где через несколько минут должна начаться утренняя служба»⁴⁰... Перед лицом вечности не хочется вспоминать про обиды.

Зонтаг писала, что роман Цыпкина – «об обжигающем великодушии супружеской любви». Еще более точным является другое ее определение: «Эта

книга о любви вообще»⁴¹, т.е., о любви, которая немислима без боли, но которая должна быть сильнее этой боли, больше обиды, доставляемой героем героине или наоборот, писателем читателю... Иначе это не русская литература.

Ко всему выше сказанному хочется добавить лишь мысль К. Кобринина о том, что всех, пишущих... дневники, объединяет как «иллюзия по поводу человека», так и «доверие к жизни, точнее, ее ценности»⁴². Что в вопросах любви и русской литературы есть иллюзия, а что есть ценность – это уже другая тема...

⁴⁰ Там же, 22.

⁴¹ С. Зонтаг, «Любить Достоевского».

⁴² К. Кобрин, «Похвала дневнику».

APIE LITERATŪRĄ IR MEILĘ (L. CYPKINAS. *VASARA BADENE*)

Dagnė Beržaitė

S a n t r a u k a

Leonidas Cypkinas rusų skaitytojams tapo žinomu tik praėjus kiek daugiau nei dvidešimt metų po jo mirties, kai 2003 m. rusų kalba pasirodė iki tol tik Vakarų auditorijai plačiai žinomas jo romanas *Vasara Badene*. Knygą apie vieną žymiausių rusų rašytojų Fiodorą Dostojevskį, paremtą rašytojo žmonos Anos Grigorjevnos *Dienoraščiais* bei jos *Prisiminimais*, autoriaus tėvynėje išgarsino amerikiečių rašytoja, filosofė ir eseistė Siuzan Zontag, pristadydama ją kaip vieną geriausių, literatūriškiausių XX amžiaus tekstų. Šiame straipsnyje, pasitelkus tiek Zontag, tiek kitų tyrėjų nuomones, siekiama parodyti, kad dauguma jų visų pirma išryškino atskiras, dažnai publicistine romano tendencijas, ne

visada atsižvelgdami į romano visumą, į tai, apie ką rašė dar J. Lotmanas, jog pokalbis apie kūrinio idėją neatskiriamas nuo pokalbio apie jo meninę struktūrą. Straipsnio autorė šį kartą siūlo kiek atidžiau pažvelgti į romano pavadinimą, kuriame, jos nuomone, galima aptikti akivaizdžias kito rusų rašytojo I. Turgenevo kūrybos aliuizijas, leidžiančias teigti, kad vis tik Cypkino romane *Vasara Badene* svarbiausia – ne taip visus suintrigavusi Dostojevskio ir žydų problema, o meilės ir pareigos konfliktas; romano ašis – Dostojevskio žmonos pasiaukojančios meilės savo vyrui istorija, kuri tam tikru aspektu galėtų būti gretinama su rašytojo Cypkino jausmais didžiajam rusų klasikui.

Получено: 2008, август
Принято: 2008, сентябрь

Adres autora:
Vilniaus universitetas
Slavistikos katedra
Universiteto g. 5
LT-01513 Vilnius Lietuva
E-mail: Dagne.Berzaite@flf.vu.lt